

Погруженная в раздумья, сворачиваю в боковую улочку, оставляя позади суету и шум транспорта. Жилые кварталы вплотную примыкают друг к другу, но летом, я знаю, буйная зелень заполняет все щели в заборе. Где-то здесь должен быть наш дом культуры и библиотека, в которой мы напрасно искали книги, рекомендованные учительницей. Где-то здесь и районная детская молочная кухня. В шесть утра матери должны были уже стоять в очереди за кефиром и детским молоком и ссориться с теми, кто добился ордеров на получение нормированных товаров совершенно очевидно левым путем.

Где-то здесь жили школьные товарищи моих детей, их родители, тогдашние «соратники», и ~~был запах свежего хлеба~~ из нашей пекарни, но только запах, ибо тщетно было искать свежий хлеб в нашем районе. За ним нужно было ехать в центр...

От моих раздумий меня отвлекает какое-то позвякивание. Молодой человек с рюкзаком только что вышел из дома и пересекает улицу. Позвякивание исходит от его красного рюкзака, и этот звук мне страшно знаком.

Вдруг я вижу перед собой Вадима, как будто это он относит пустые бутылки в пункт приема стеклосуды.

Подальше, у кинотеатра, он свернет за угол, на следующей улице повернет направо, а затем исчезнет из виду в одном из открытых всем ветрам проходных дворов.

Там они уже стоят рядом со своими сумками, закутанные домохозяйки и пенсионеры, студенты и алкоголики, и с опаской следят за тем, чтобы каждый вновь пришедший стал в очередь честно, последним. Мужичина в черном ватнике без спешки рассматривает тару на импровизированной стойке и обстоятельно отсчитывает копейки в протянутые руки. На это уходит много времени, а Вадим...

Нет, никогда больше он не будет иметь дело с русскими деньгами, и тем более не будет стоять ни в одной русской очереди.

«Я сыт по горло этим большевистским государством, — так он всегда ругался. — Даже во сне я не хочу слышать о нем. Это не страна, а сплошное г... Уехать куда угодно, лишь бы это было достаточно далеко». Так он клялся себе и представлял, как было бы прекрасно, если бы он мог превратить землю в воздушный шарик, тогда он мог бы взять его где-нибудь у Урала и перевязывать границы своей так называемой родины, чтобы ничего от нее не осталось. Он держал свое слово вопреки всему новому, вопреки всем тем невероятным изме-

Марион ЕРШОВА

ИНОСТРАНКА.

Роман из Москвы

(Фрагмент)

нениям, которые и он должен был принять с удивлением. Он не доверяет им, ибо он пострадавший, подталкиваемый своей собственной ненавистью, он на Западе не нашел то, что искал.

Он раздвоенный. Ничто не будоражит его так, как песни его молодости, как книги, преследуемых из тех времен. Ничто не может осчастливить его сильнее, чем воспоминания о друзьях, которых он покинул. И все же он упорно отказывался сопровождать меня в этой поездке. Чего же он боится! И вот я, иностранка, чужак, брожу по следам его прошлого!

Как бы назвать эту развращающую тоску по нищете, по нехватке всего, по наслаждению упиваться страхом, по отсутствию настоящего, собственного гнезда... Мазохизм! Ностальгия! Или вдруг меня захватила эта странная, противоречивая, не до конца представляемая вещь, которая называется русской душой.

Ах, подумать только, что в этом проклятом городе у меня уже нет пристанища!

— У нас ты дома, — категорично заявляет добрая Ира, — и отныне больше не будешь скитаться. Смотри, что тут есть у меня! Она передает мне довольно потрепанную тетрадь, полную стенографических знаков.

Это ведь...

Да, точно, ты ее тогда, перед вашим отъездом, оставила у меня, ты совсем забыла?

Боже мой! Конечно! Все я сожгла, все, что, как я предполагала, отнимут у меня при выезде: сотни любовных писем, которые Вадим написал мне в Вену, почту с родины, которую я годами собирала, старые документы, обрывки из западных газет, личные записки. Это было несколько коробок, которые я в один прекрасный день в августе с трудом тащила в Ромашково, в эту заброшенную деревушку, в нескольких километрах от города, чтобы оставить их на нашей любимой площадке для шашлыка, романтической поляне, на которой мы часто проводили выходные с детьми, передать их беспощадному огню. Вся моя жизнь там у меня на глазах превратилась в пепел, все воспоми-

нения погасли, все документы беспокойного, насыщенного событиями времени.

Тот, кто покидал эту страну, был изменником, предателем, он должен был уйти голым и босым, взяв с собой только то, что у него было в голове и что было недоступно никаким контролям. Все-все, что было подозрительно для таможенников, должно было остаться, а так как ничего не было, что не было бы для них подозрительным, ни одно написанное слово, ни одно письмо, ни один иноязычный текст, напечатанный или ненапечатанный, — не должны пересечь границу.

Инструкция есть инструкция, — сказали таможенники, не допуская никаких возражений, когда мы привезли наше имущество, назначенное на переезд, на таможенный пункт за 3 недели до отъезда. Даже школьные тетради и детские рисунки мы не могли взять с собой (они ведь могли содержать тайные сведения), даже фотоальбомы со случайными снимками из обычной семейной жизни (а вдруг они из архива инкомыслищего?), даже сувениры, подарки в день рождения от друзей и другую ностальгическую мелочь, ибо они ведь могли быть художественными ценностями, которые нельзя вывозить. Целыми часами они просматривали багаж, состоящий и так почти только из книг, листали, сортировали и не обращали внимания на мои уверения, что ведь то и другое я привезла с собой из Австрии как приданое, и, следовательно, эти вещи можно вывозить опять. Равнодушно трудился и одноглазый рабочий в своем черном ватнике, которому было поручено на месте срубить деревянные ящики для оформления и упаковки багажа. Просто с вызывающей жесткостью он забивал гвозди сквозь скатерти и переплеты книг, между тем как куча запрещенных для вывоза вещей росла и росла...

Что же нам делать? Мне было довольно тяжело отказаться от вещей, которые стали для меня дорогими, хотя имели мало материальной ценности. Но зачем же собственно посольство? Ведь это их дело помогать гражданам своей страны в трудных ситуациях. Канцлер не очень хотел по-

мочь, когда я к нему обратилась, так же, как и советник посольства, перевозка багажа — мое, не их дело, а кроме того, они не хотели создавать дипломатические трудности, обходя какие-либо запреты на вывоз... Я вспомнила обо всех иконах и самоварах служащих посольства, которые, как всем было известно, входили в стандарт дипломатического багажа, и потребовала встречи с послом. Тогда вдруг ответили, что в данный момент он занят, но все же пообещали постараться как-нибудь помочь.

Лева наконец отвез меня с двумя многопудовыми чемоданами на своей машине до переулка за зданием посольства. Дальше он, как советский гражданин, не осмелился ехать, потому что хотел избежать строгих расспросов со стороны милиционеров, которые стояли на посту перед зданием посольства. Таким образом, я сама тащила сначала один, а потом другой чемодан сто метров до входа, где меня уже ждал портье, заранее предупрежденный, чтобы защитить меня в случае, если милиция превысит свои полномочия, и чтобы помочь мне тащить чемоданы по лестницам.

На этот подвиг я, однако, решилась лишь после отъезда Вадима. Вадим и дети, которые были зарегистрированы в его паспорте, уже улетели. Я должна была закончить все дела с квартирой и вместе с оставшимся багажом последовать за ними на поезд. На это мне осталось целых три дня, а сейчас, когда я оставила в посольстве все вещи, которые таможня не разрешила мне взять с собой, в последние оставшиеся мне в Москве часы я ничего не нашла лучшего, чем сидеть на корточках где-то на опушке леса и под подозрительными взглядами нескольких прогуливающих вдали от меня жечь мое прошлое. Одно за другим я торжественно предавала письма и документы огню. До тех пор пока осталась только одна эта тетрадь с фрагментарными записями из последних месяцев... Что-то не дало мне уничтожить это, самое последнее. Я дала огню договорить до конца, энергично затоптала золу и собралась в обратный путь. Я передала тетрадь Ире. Сохрани ее, сказала я ей. Я хочу, чтобы что-нибудь обо мне осталось здесь, кусочек моей жизни, маленький обломок прошлого. Капелька крови сердца. Возможно, в будущем она приведет сюда если не меня, то хотя бы моих детей обратно туда, откуда они вышли.

Перевод
Манфреда АУМАЙЕРА.
Материал подготовлен
к печати
Т. ГОРДИЕНКО.